

А. В. Е. Шульц

В тени мегаполиса: способы использования городского пространства бездомными людьми (на примере Москвы)

Алина Вивьен Евгеньевна Шульц — студентка ОП «Городское планирование» Факультета городского и регионального развития НИУ ВШЭ. **Адрес:** 101000, Москва, Мясницкая ул., д. 20. **Электронная почта:** aedrozdova_1@edu.hse.ru. **ORCID:** <https://orcid.org/0009-0008-7900-9839>

Аннотация: Бездомность является серьезной проблемой для многих крупных городов России. Однако российский ландшафт исследований бездомности преимущественно фокусируется на социально-психологических аспектах, в то время как связь между бездомностью и городской средой остается недостаточно изученной. Цель настоящего исследования — осмыслить пространственный аспект бездомности в Москве, выявить и проанализировать способы использования городского пространства бездомными людьми. Основные задачи включают сбор и анализ интервью с бездомными и сотрудниками благотворительных организаций, определение категорий мест, предпочтительных для бездомных, и изучение влияния погодных условий, времени суток и сезона на выбор мест пребывания. Исследование проводилось с использованием качественных методов, включая экспертные интервью с сотрудниками некоммерческих организаций и полуструктурированные интервью с бездомными. В рамках исследования под «бездомностью» понимается уличная форма бездомности, отнесенная к категории ETHOS¹ «Люди, живущие на улице». Одной из ключевых находок исследования является выявление так называемых «основных» и «маргинальных» пространств города, а также мест с иными «моральными порядками», привлекающих бездомных людей. В статье также рассматривается темпоральное и пространственное распределение бездомных в городской среде. Отдельное внимание в работе уделено гендерным аспектам бездомности, уязвимо-положению женщин-бездомных и их стратегиям выживания.

Ключевые слова: бездомность, городская среда, моральный порядок, «не-места», «основные» и «маргинальные» пространства

Для цитирования: Шульц, А. В. Е. В тени мегаполиса: способы использования городского пространства бездомными людьми (на примере Москвы) // Пути России. 2024. Т. 2. № 4. С. 15–41.

¹ ETHOS — Европейская типология бездомности и жилищной маргинализации (European Typology on Homelessness and Housing Exclusion), разработанная в 2005 году Европейской федерацией национальных организаций, работающих с бездомными FEANTSA в попытке охватить все жизненные ситуации, которые представляют собой формы бездомности по всей Европе. В типологии ETHOS используются как физические, так и социально-юридические аспекты «дома».

Бездомные люди концентрируются в крупных городах, поскольку мегаполисы предлагают большее количество сервисов и возможностей для работы по сравнению с небольшими населенными пунктами [Lee, Price-Spratlen, Kanan, 2003]. В последней переписи населения 2020 года в г. Москва зафиксировано 6 637 бездомных домохозяйств без указания количества членов домохозяйства². Государственные органы часто минимизируют численность бездомных, концентрируясь на наиболее видимых категориях, в то время как неправительственные организации могут использовать более широкие определения. Так, на основе исследования частной компании Validata в Москве проживает более 200 тысяч бездомных людей [Сколько бездомных..., 2022]. На все государственные и благотворительные пункты ночлега и приюта в городе приходится менее одной тысячи мест, что в разы меньше любой из вышеуказанных оценок. В связи с этим встает масштабный вопрос, касающийся пространственного нахождения такого большого количества бездомных людей в городе. Государственные и некоммерческие организации не представляют полноценной картины пространственного распределения бездомных людей, что, с одной стороны, приводит к неэффективному расположению сервисов для бездомных, а с другой — к неэффективным затратам со стороны организаций.

На данный момент исследовательский ландшафт бездомности в России и, в частности, в Москве, зачастую фокусируется на социально-психологических аспектах проблемы. При этом в отечественной литературе практически не встречаются исследования, которые связывали бы напрямую такие понятия как «бездомность» и «городская среда». Исследование городской среды через призму бездомности является перспективным направлением социологических исследований, поскольку оно позволяет глубже понять структурные и социальные механизмы, которые работают в городе, и формируют невидимое социальное пространство города. Одной из главных сложностей исследования бездомности как в России, так и в мире является отсутствие детальных статистических данных в связи со сложностью учета бездомных людей, а также отсутствием единого определения бездомности. Различные инстанции и организации ведут учет разными способами: силовые ведомства — количество задержанных за правонарушения, медицинские учреждения — количество обратившихся за медицинской помощью, а некоммерческие благотворительные организации — количество клиентов социальных услуг. Современный фокус российских исследований бездомности смещён на выявление причин [Ордианц, Демидова, 2017; Антонова, 2009; Пла-

² Росстат. Официальная статистика. Всероссийская перепись населения 2020 года. [Online] <<https://77.rosstat.gov.ru/folder/210976>> [Дата обращения] 02.06.2024.

тонова, 2009], а также на профилактику и решение проблемы [Молчанов, 2007; Коваленко, Строкова, 2010; Низиньковская, 2020; Кирсанова, 2020; Уфимцева, 2017; Метелева и др., 2022; Зиннуров, 2023]. Существует также комплекс работ, направленных на изучение психологии бездомного человека [Клюева, 2011; Жеребкина, Лапшина, 2016; Петренко, 2017].

Однако вопрос о пространственном распределении бездомных в городе практически игнорируется в российском исследовательском поле. Одна из немногих этнографических работ, посвященная бездомности в Москве, *Crossing the line: Vagrancy, homelessness and social displacement in Russia* Светланы Стивенсон описывает вокзалы как ключевые места в жизненном мире бездомных людей в силу возможностей социального взаимодействия, предоставляемых данным городским пространством [Stephenson, 2017]. Исследовательница также выделяет такие значимые места для бездомных людей, как площади, транспортные пересадочные узлы (подземные переходы в метро, вестибюли и территории возле станций), Кольцевую линию московского метро, рынки, дешевые столовые и кафетерии, церкви. Среди причин привлекательности подобных мест для бездомных людей называются невысокая степень официальной зарегулированности пространства, возможность знакомиться с другими людьми и принимать участие в социальной и экономической жизни локального сообщества бездомных.

Последним количественным исследованием, затрагивающим хоть как-то вопрос использования городского пространства бездомными, была работа «Социально-демографические характеристики, условия жизни и потребности людей в ситуации бездомности в Москве» Цацуры Е. А. и Клюевой Н. Ю. В рамках исследования суммарно было опрошено 297 бездомных людей, включая проживающих в приютах, рабочих домах, ЦСА. По итогу, больше половины респондентов ночевали хотя бы один раз непосредственно на улице за прошедший месяц. Среди других мест ночлега за последний месяц были также выделены вокзалы (30% ночевало несколько раз), подъезды (27% ночевало несколько ночей), электрички (20% ночевало регулярно), вокзалы и социальные учреждения (17% ночевало несколько ночей), рабочие дома (15% ночевало несколько раз). Наименее популярным местом для ночлега бездомных в Москве были заброшенные дома — лишь 6% ночевало там несколько раз. Исследовательницы также приходят к неочевидным выводам, например, что бездомные москвичи чаще ночуют в подъездах, в то время как те, кто приехал в Москву из других городов, чаще ночуют в электричках и рабочих домах. Однако, стоит учитывать, что опрос проводился с 10 мая по 3 августа, что дает нам представление лишь о ночевках бездомных в тёплое время года.

В рамках работы я постараюсь осмыслить пространственный аспект бездомности в городе. Основные вопросы, которые ставит

перед собой исследование, — Какие места и по каким причинам являются для бездомных аттракторами (притягательными благодаря их функциональным, социальным или символическим характеристикам)? Как выглядит мобильность бездомных в городе? Какие существуют практики использования городского пространства у бездомных? Объектом исследования является бездомность в Москве, предметом — взаимодействие бездомных с городской средой. Главной целью исследования является выявление и анализ способов использования городского пространства бездомными людьми. Среди задач моей работы можно выделить 1) сбор и анализ интервью с бездомными людьми и сотрудниками организаций; 2) Выявление основных категорий мест, где бездомные люди предпочитают находиться; 3) Определение основных мотивов и причины, по которым бездомные выбирают определенные локации; 4) Изучение влияния погодных условий, времени суток и сезона на выбор мест пребывания.

Данное исследование проводилось с помощью качественных методов в силу острой сензитивности поля, поскольку изучение бездомных требует крайне деликатного отношения как изучение уязвимой группы [Liamputtong, 2006; с.4]. В рамках исследования были проведены экспертные интервью с сотрудниками некоммерческих организаций, а также биографические полуструктурированные интервью с бездомными людьми. Интервью с бездомными проводились в приюте «Ночлежка», «Тёплый прием», реабилитационном центре «Дом Друзей», а также на точках маршрута «Ночного автобуса». Мною опрашивались те, кто находился в данном месте, имел опыт бездомности и соглашался побеседовать. Суммарно было проинтервьюировано 6 работников некоммерческих организаций, а также 12 бездомных людей. Также применялся метод включенного наблюдения со стороны сотрудника благотворительной организации. Наблюдение проводилось на протяжении всего времени исследования.

Любому разговору о бездомности стоит начинаться с того, что вообще можно понимать под «бездомностью». Традиционные подходы нередко бывают ограничены и стереотипизированы, что препятствует глубокому пониманию и эффективному решению проблемы, а также снятию социальной стигмы с людей, оказавшихся в ситуации бездомности [Lancione et al., 2013]. Несмотря на длительные дискуссии, до сих пор не существует единого международного определения бездомности, что затрудняет сравнение данных и разработку политики по борьбе с этой проблемой на глобальном уровне. Даже в рамках национальных агентств и организаций используются свои внутренние определения, что приводит к вариациям в статистических данных [Amore, Baker, Howden-Charpman, 2011]. Нередко, государство заинтересовано в исключении некоторых уязвимых социальных групп, в связи с уменьшением собственных расходов на социальную политику [Jacobs, Kemeny, Manzi, 1999]. Однако, понятие бездомности со време-

нем имеет свойство расширяться под влиянием общественных и политических изменений. Европейская типология бездомности и жилищного исключения (ETHOS) была разработана Европейской федерацией национальных организаций, работающих с бездомными (FEANTSA), чтобы предложить согласованный и всесторонний подход к пониманию и измерению бездомности и жилищного исключения в Европе. ETHOS стремится обеспечить унифицированные определения и классификации, которые могут быть использованы в различных странах для исследования и политики. В соответствии с типологией ETHOS, бездомность классифицируется следующим образом:

Без крыши над головой (Roofless):

Люди, живущие на улице.

Люди, живущие в ночных убежищах.

Без дома (Houseless):

Люди, находящиеся во временных приютах или хостелах для бездомных.

Женщины в кризисных центрах.

Иммигранты в центрах временного размещения.

Люди, которые скоро будут выписаны из учреждений (тюрем, больниц и детских домов) и не имеют жилья.

Люди, получающие длительную поддержку из-за бездомности.

Жилищное исключение (Housing exclusion):

Люди, живущие в небезопасных условиях (нелегальные арендаторы, нелегальные оккупанты земель).

Люди, которым угрожает выселение или насилие.

Люди, живущие в неподходящих временных или нестандартных структурах (мобильные дома, временные сооружения).

Люди, живущие в непригодном для пребывания жилье (без базовых удобств).

Люди, живущие в условиях крайней переполненности.

Несмотря на всю многогранность определения бездомности, в рамках качественной части данной работы под «бездомностью» будет пониматься именно уличная форма бездомности, которую можно отнести к категории ETHOS «Люди, живущие на улице», поскольку идентификация именно этой группы бездомных наиболее методологически проста в силу своей экстремальности.

³ FEANTSA. ETHOS Typology on Homelessness and Housing Exclusion. [Online] <<https://www.feantsa.org/en/toolkit/2005/04/01/ethos-typology-on-homelessness-and-housing-exclusion>> [Дата обращения] 02.06.2024.

Важно отметить, что в нашем языке категория «бомж» имеет большое значение для конструирования социальной классификации современного российского общества. Этот термин часто ассоциируется с символическим полюсом социальной структуры, сосредотачивая в себе исключительно негативные атрибуты: асоциальность, наркотическую или алкогольную зависимость, личностный распад, крайнюю бедность [Stephenson, 2017]]. Таким образом, конструкт бездомного человека начинает служить фоном для любых различий и «вносить свой вклад, по принципу отрицания, в диалектику притязания и различия» [Бурдьё, 2005]. С точки зрения Пьера Бурдьё, социальное пространство с той или иной степенью размытости конвертируется в физическое пространство. Исходя из обладания различными видами капитала, власть над пространством принимает конфигурацию отношения между пространственными структурами распределения агентов и структурами распределениями ресурсов в существующем физическом пространстве. Таким образом, участок физического пространства, на котором находится агент, нередко определяется его позицией в социальном пространстве. Поэтому «бездомный человек» близок к отсутствию социального существования [Bourdieu et al, 1999]. Дом для человека является локусом повседневности, конструирующим границы между «внутренним» и «внешним», «своим» и «чужим», «опасным» и «безопасным» [Харисова, 2007].

Как заключает Мартин Хайдеггер, ощущение «дома» дает экзистенциальное убежище от чувства заброшенности в безразличном мире, представляя собой сосредоточение жизненных ценностей человека [Чеснокова, 2014; Чеснокова, 2016]. В это же время, для бездомного человека пространственная дихотомия «публичное» — «частное» не имеет особого смысла, поскольку из всех частных и многих публичных пространств он исключен. При этом стратегии выживания бездомных, особенно в холодное время года, зачастую предполагают попытки кратковременного «захвата» публичных пространств (вокзалы, скамейки, входы у магазинов) [Wardhaugh, 1996]. Таким образом бездомный, «захватывающий» публичное пространство, разрушает его для всех остальных, угрожая границе «публичное — частное», размывая её, поскольку «захваченное» публичное пространство перестает в полном смысле быть публичным.

Само пространство города разделено на более или менее четкие зоны, которые контролируются той или иной социальной группой, поддерживающей там собственный моральный порядок (*moral order*), равняющийся публичному порядку [Park, 1926]. Моральный порядок определяет совокупность общественных отношений и своеобразный этикет, предписывающий при каких обстоятельствах какой деятельностью разрешается заниматься в каком месте [Lofland, 1971]. Моральный порядок — результат не только «переговоров», но и рутинного социального взаимодействия, накладывающегося на

моральные устои и закрепленные формальные законы, поддерживаемые силовыми структурами. Порой различия между местными устоями и общегородским моральным порядком производят определенную напряженность, которая ожидается, что будет под контролем силовых органов. Однако сами полицейские могут менять представления о том, что «нормально» для разных частей города, признавая, что местные моральные устои существуют и имеют приоритет над общегородским моральным порядком [Rubinstein, 1980].

В рамках существующих рыночных отношений и превалирующей индивидуальной формы собственности бездомный человек, в отличие от бедного, вдвойне является угрозой для морального порядка на территории, поскольку он не только не имеет собственности, но также не имеет социальных связей с местными жителями в силу своей мобильности. Немногое, что имеет бездомный человек в распоряжении, — своя рабочая сила, которая зачастую обесценивается алкогольной зависимостью и вытекающими отсюда проблемами с собственным здоровьем. С точки зрения рыночной морали, не используя свою рабочую силу, и таким образом сводя свою практическую ценность для либерально-демократического общества к нулю, человек, не желающий выбраться из состояния бездомности, осознанно отрицает установленный моральный порядок [Macpherson, 1973].

Невидимость бездомного — одно из средств доступа к общественным пространствам, гарантирующее отсутствие притеснения [Hombs, Snyder, 1983; Koprowska et al., 2020].

«Проблема, мне кажется, в том, как бы, не проблема, а факт в том, что большую часть даже уличных бездомных мы не замечаем. Ну, помимо того, что мы можем просто не замечать сами, мне кажется, что бездомный человек не очень хочет, чтобы его увидели, в таком его свойстве, как вот сейчас у него происходит. Я думаю, что бездомные просто скрываются, чтобы их не видели». (Сотрудник благотворительной организации.)

«Ну, старался, чтобы это нелюдино было, но людей было везде много. Искал такое место, потому что на скамейке, сами понимаете, не выплывешь. Я уединялся, старался, чтобы меня люди не видели». (Бездомный мужчина, 35 лет, стаж бездомности полгода.)

Однако, остаться незаметным не так легко, поскольку зачастую бездомный человек носит старую, потрепанную одежду, которую не так просто скрыть. Также отсутствие грязной одежды значительно снижает шансы на успех в попрошайничестве, поскольку это один из немногих индикаторов бедственного положения, нуждающегося в подавании [Sutherland, Locke, 1936]. Бездомный человек использует ландшафт в качестве укрытия, и это требует очень специ-

ализированных знаний о городской среде, которыми не обладают «домашние» люди, например, где можно в теплом месте провести холодную ночь и остаться незамеченным для других, а также какую стратегию выбрать, чтобы защитить это пространство от других.

Для того чтобы выжить, нужно осознавать все тонкости того, как местные жители классифицируют пространство, поэтому бездомным не настолько важна форма собственности, а важно то, насколько пространство функционально важно для постоянно проживающих горожан [Snow, Anderson, 1993]. Таким образом городское пространство можно разделить не только на «публичное» и «частное», но и отнести к континууму от «основного» (prime) до «маргинального», основываясь на их ценности для жителей города [Duncan, 2012]. При этом ценность пространства динамична и основывается на определенной степени консенсуса, и бездомные люди наиболее осведомлены об устойчивых элементах городской среды. «Основные» пространства ежедневно используются горожанами в жилищных, коммерческих или рекреационных целях, а также могут иметь символическое значение, когда оно символизирует своеобразный порядок, в то время как «маргинальные» пространства обычно не представляют никакой ценности для горожан. «Маргинальное» пространство подразумевает под собой различные тихие переулки, контейнерные площадки и мусорные свалки, территории транспортной инфраструктуры, заброшенные, «ничейные» пространства, они не патрулируются полицией в силу бессмысленности затрат на подобные мероприятия. В качестве примера «маргинального» пространства в центре Москвы, выявленного в ходе глубинных интервью с бездомными, можно привести сквер у музея им. Сахарова рядом с парком усадьбы Усачёвых-Найдёновых:

«Он говорит, всё, идём пить. Мы выпили, он говорит, поехали на Сахаровский центр. Да-да-да. Территория свободы, как её называют. Туда не приезжают полицейские. Там пьющих людей не трогают никто. Свободно. Летом сейчас там будет куча народа, бездомных, которые там будут день и ночь, ну, по возможности, в зависимости от денег, пить.» (Бездомный мужчина, 47 лет, стаж бездомности 6 лет.)

Также к «маргинальным» местам зачастую можно отнести места ночлега бездомных людей в городе. Так, сотрудниками благотворительных организаций и бездомными называлось множество мест ночлега, помимо очевидных мест, таких как вокзал или лавочки на улице. Не только в тёплое, но и в холодное время суток бездомные люди могут ночевать в лесах и парках:

«Мы знаем и знали, что Лосиный остров вмещает в себя довольно большое количество людей, потому что он находится, вроде бы, в Москве. При этом это такой огромный, известный всем зеленый остров,

где можно, я думаю, заныкаться и заикериться с успехом, с большим и тебя там никто не найдет. Просто зимой, как-то, видимо, он его утеплил получше. Вот это я точно не помню, поэтому просто предположу, что, скорее всего, он использовал какие-то стройматериалы, пленку какую-нибудь, как правило, люди используют всё, что можно, всё, что можно, не за деньги взять. Один мужчина строил сам всегда всё из веток, из деревьев, и он говорит, ну, типа, вот у меня сегодня сгорел, я, типа, вот скоро буду строить новый дом.» (Сотрудник НКО.)

Однако с развитием и благоустройством московских парков, и, соответственно, переходом этих мест от «маргинальных» к «основным», их привлекательность для бездомных начала снижаться:

«Одно время в парках прям были такие. Парки сейчас стали облагораживать, а до этого это были такие лесочки, у них там были свои такие поселения, палаточки, в принципе, кое-где они ближе к МКАДу остались, где ещё парки не благоустроили, то есть как-то так». (Учредитель некоммерческой организации, занимающейся помощью бездомными.)

Отдельного внимания среди мест ночлега бездомных заслуживают обустроенные подвалы и чердаки жилых домов, которые более всего напоминают жилые квартиры за счет их инженерной оснащенности.

Р: Я встретил опять Валеру. Валера говорит, всё нормально, у нас есть жильё. И в Останкинском районе я, был подвал. Значит, там парень один оборудовал подвал. Там была трехкомнатная квартира просто.
И: Вподвале? А как вообще, откуда у него был доступ к этому подвалу?
Р: А он там замок сорвал, и как бы туда никто не ходил. То есть, он ещё такой подвал, вот так дома ходим, и там первый раз, и спускаемся. И если ты ходим, тебя никто не видит, то как бы всё нормально. И мы там оборудовали, там у нас были диваны, огромный матрас ещё был. Двух, это такой из двух этих штук. У нас там была горячая-холодная вода. У нас было электричество, освещение, посуда, мебель. У нас была микроволновка новая, у нас был чайник электрический, стеклянный, у нас была плитка, куча посуды, всевозможные, мы там готовили, разогревали». (Бездомный мужчина, 47 лет, стаж бездомности 6 лет.)

Однако чтобы выжить и обеспечить себе средства к существованию, бездомные люди вынуждены периодически покидать «маргинальные» пространства, и выходить в «основные» пространства, которые представляют собой большую часть города. Наиболее подходящими для пребывания бездомных людей являются такие «основные» пространства, которые сами по себе крайне обезличены

низким уровнем взаимодействия, и в которых при возможности можно легко отдалиться от бездомного человека. Из-за существующего предубеждения, что социальная значимость человека соотносится с социальной значимостью мест, которые он посещает [Mead, 1975], мы невольно начинаем разделять свою идентичность с другими посетителями тех или иных заведений. Данная предпосылка позволяет стигме распространяться в пространственном измерении. Поскольку бездомный человек не обладает «нормой», а лишь имеет нежелательные качества, дефекты, то его идентичность становится испорченной [Гофман, 2017], таким образом его присутствие в пространстве также портит обстановку и «нормальных» людей, находящихся там. Обезличенные общественные места редко являются значимой частью идентичности человека, поэтому присутствие там бездомных считается прощательным в силу большего разделения «нормальной» и «испорченной» идентичностей. Однако, вопрос, кто может пользоваться общественным пространством и имеет к нему доступ, нормативно соприкасается с вопросом о том, кто принадлежит обществу в целом [Kawash, 1998].

К подобным обезличенным «основным» пространствам можно отнести «не-места», выделяемые Оже. «Не-места» способствуют формированию анонимности и временной идентичности [Оже, 2017]. В таких пространствах люди ощущают себя частью массового потока, где личные связи и уникальная идентичность становятся незначительными, что позволяет человеку чувствовать себя временным посетителем, а не постоянным жителем. Самыми яркими примерами «не-мест» в московской действительности являются вокзалы и различные объекты транспортной инфраструктуры. Однако, бездомный на вокзале продолжает всё ещё находиться в крайне уязвимом положении. Рассмотрим агентную структуру московского вокзала. Главным производителем микрополитики являются работники охраны вокзала, целью которых является поддержание социального порядка и исключение бездомных людей из общественного пространства. Другим государственным актором является «Социальный патруль», который в рамках реализации своего механизма власти накапливает бездомных людей с вокзала и перевозит на ночлег из центра на городскую периферию, тем самым продолжая делать бездомность невидимой для других горожан. Но не только государство имеет свой интерес в контроле бездомных людей. Также рабочие дома через своих волонтеров стремятся завладеть телом и рабочей силой бездомного, чтобы получить большую прибыль за низкую цену этой рабочей силы:

«Волонтер он тебе вот рассказывает, ты туда едешь. Рассказал одно, а по факту совсем другое. Встречал их где угодно, в основном на ж/д станциях». (Бездомный мужчина, 41 год, стаж бездомности 3 года.)

Несмотря на уязвимое положение бездомных, даже внутри группы существует своего рода угнетение. Так, самым угнетенным и объективированным актором будет бездомная женщина, что лаконично описано в следующей цитате сотрудника благотворительной организации:

«Ты для всех объект, и для рабочего дома ты объект, и для помогающих, в том числе организаций, ты объект, потому что, к сожалению, многие коллеги общаются с бездомными как с объектами, а для мужчин в очереди ты объект, наверное, самый такой опасный собеседник, присутствующий». (Сотрудник благотворительной организации.)

В ответ на микрополитику службы охраны вокзала бездомные используют тактику покупки дешевого билета на электричку, чтобы оставаться на вокзале якобы как пассажир:

«Ты на вокзальчике лег спать, тебя никто не трогает. Сейчас это не милиция, а служба безопасности вокзала, они ходят, они в принципе часть людей в лица знают, то есть когда там 5–10 раз человек там, они подходят, если ты билет не показываешь, они сопровождают на выход. Билет показываешь, они отстают, некоторые из них покупают билеты на электричку. И во-первых, на электричке можно потом всё-таки уехать, покатайся, поспать в электричке. Можно на вокзале несколько часов просидеть. И так стали гонять. Но тут момент ещё, как выглядит человек. Если человек зайдёт чистый, даже бездомный, но как понять, что человек бездомный, если он не грязный? Никак. Соответственно, если человек чистый, к нему вряд ли кто подойдёт. Если он грязный, ну, тут можно понять, почему их гоняют с вокзалов. Остальным это не очень, это приятно находиться, поэтому да, гоняют». (Учредитель некоммерческой организации, занимающейся помощью бездомными.)

Как было отмечено сотрудником благотворительной организации, выгоняют лишь «грязных бездомных», из чего можно заключить, что микрополитика так или иначе формируется биополитикой, поскольку изгнание бездомного может быть мотивировано стремлением предотвратить возможные угрозы здоровью для других людей [Фуко, 2010].

Если говорить про другие объекты транспортной инфраструктуры, то важно обратить внимание, что фактор доступности даже для столь удаленных мест, как аэропорты, находящиеся за чертой города, имеют значение для бездомных. Так бездомный информант отдельно отмечает, что ночевать в аэропорт Домодедово бездомные люди не ездят.

«Ездили ночевать в аэропорту. Очень много людей едет ночевать в аэропорт Шереметьево, они называют это „Шарик“, во “Внучку”, во Внуково. В Домодедово, не знаю, далеко. А вот в Шереметьево и во Внуково ездят». (Бездомный мужчина, 47 лет, стаж бездомности 6 лет.)

Другими «основными» пространствами, которые привлекают бездомных, являются места с иными моральными порядками. Так, церковные территории являются стратегически важными для бездомных людей пространствами, поскольку в этих пространствах моральный порядок «христианского естественного права», гласящий о равенстве людей перед Богом, доминирует над либерально-демократическим рыночным моральным порядком, что дает такие выгоды бездомным, как возможность просить милостыню [Wardhaugh, 1996]:

«У храма, как правило, они знают, двенадцатые праздники, все главные христианские праздники православные, пожалуйста, все на паперти, т. е. все знают, что православные помогают. Они, пользуясь случаем, встают. Есть храмы в центре, там люди добрые, обеспеченные, они могут больше помочь. Подопечные уже немножко даже избаловываются. Но тем не менее, это как бы возможность получить какое-то пропитание». (Руководительница благотворительных программ некоммерческой организации.)

Это наводит на мысль о том, что попрошайничество в городе рутинизировано и структурировано во времени и пространстве.

Ещё одним типом общественных пространств, предполагающим равенство посетителей, являются публичные библиотеки. Несмотря на такой барьер входа, как читательский билет, который может быть оформлен лишь при наличии паспорта, библиотека предоставляет возможность для обогрева и сна в холодное время суток, а также доступ в интернет. Излюбленным местом московских бездомных является Российская Государственная Библиотека им. Ленина, нередко обеспечивающая незаметность для бездомных людей своим колоссальным масштабом пространств.

Р: Днём в библиотеке я был, а ночью я шёл в какие-то подьезды.

И: Так, а какая у вас любимая библиотека?

Р: Ну, в первое время в Ленинку ходил. А потом в историческую.

Р: И что вы там читаете обычно?

И: Я в интернете информацию читаю».

(Бездомный мужчина, 53 года, стаж бездомности 9 лет.)

Особый моральный порядок можно также встретить в питейных заведениях, своеобразных пространствах карнавализации. Кар-

навализация относится к процессу, при котором социальные и культурные нормы временно отменяются, а традиционные иерархии и властные структуры переворачиваются [Бахтин, 1990]. В карнавальном контексте границы между различными социальными классами и ролями стираются. Алкоголь способствует расслаблению и снижению социальной напряженности, что помогает людям свободнее выражать себя и взаимодействовать друг с другом. Таким образом атмосфера бара становится близкой к карнавальной, где обычные правила поведения временно приостанавливаются.

«У некоторых прямо есть такое, что надо пойти на Китай-город, потому что что-то ценное можно найти, почти всегда находимь ночью, подбираемь. Или какая-нибудь компания, кто-то угощает».
(Сотрудник НКО.)

Если возвыситься до масштаба всего города, то у многих состоятельных горожан есть общий образ города, ассоциированный с ключевыми значимыми местами. Подобный образ можно назвать «городской гордостью», поскольку он воплощает собой то, как местные жители хотят, чтобы их город видели другие [Duncan, 2012]. Наибольшее влияние подобного конструкта происходит во время больших празднований и массовых мероприятий, когда в городе много приезжих, когда город выставляется напоказ перед туристами, и эстетичность его элементов начинает иметь большое значение. В это же время бездомные люди в общественном сознании ассоциируются с мусором и грязью. Проживание на улице требует большого количества времени и сил, поскольку самые базовые и рутинные задачи, выполняемые обычными людьми в рамках домашнего пространства, вынуждают бездомного человека перемещаться по нескольким точкам в пределах города [Russell, 2013].

Это приводит к идее о том, что жизнь на улице трансгрессивна (transgressive), из-за того, что рутинные практики и функции повседневной жизни выносятся на улицу в общественные пространства. Подобная трансгрессивность (transgressiveness) символически воспринимается как загрязнение городской среды. Если обратиться к идеям Мэри Дуглас, то происходит это из-за того, что перемещённые и оторванные от своего места тела и практики являют собой опасность для общественного порядка, которая преодолевается за счет идей и ритуалов загрязнения [Дуглас, 2000]. Поэтому, например, во время зачистки города перед «Олимпиадой-80» в Москве бездомные люди и другие «асоциальные элементы» вывозились за пределы города [Иманкулова, 2012]. Несмотря на проведение «матчей солидарности» чемпионата мира по футболу среди бездомных в московских «Сокольниках» за неделю до начала мундиала [В Москве прошёл..., 2018], чистки городов от бездомных людей коснулись не только Москвы, но и других городов,

принявших участие в ЧМ в 2018 году [Полонский, 2018; Белова, 2018]. Таким образом, во время больших праздников социальная ценность пространства охватывает собой практически весь город.

Важно обратить внимание на то, что пространственное распределение бездомных в городе темпорально. При этом ощущение времени для бездомных людей значительно отличается, поскольку оно имеет не линейный, а циклический характер в силу малой ориентированности на будущее [Wardhaugh, 1996]. Зачастую горизонт планирования бездомных людей ограничивается завтрашним днём:

«И: Как вот, основываясь на рассказах и на вашем опыте общения, как по-вашему выглядит обычный день бездомного человека?

Р: Я думаю, что, опять же, всё по-разному, но, во-первых, думаю, что это сложный день. Какой бы уровень бездомности ни был, и какая бы форма ни была, уличная, не уличная, это попытка дожить до какого-то момента, до условного завтра. Очень, очень упрощая, мне кажется, бездомный человек живёт каким-то коротким, я не хочу говорить одним днём, чтобы это не звучало совсем плохо. Но я думаю, что человек живет коротким промежутком, и планировать что-то сложно». (Ю., сотрудник благотворительной организации.)

Циклически не только день бездомного, но и год. Сезонная смена климатических условий в городе вынуждает бездомных людей искать более укромные и тёплые места дневного пребывания, а также ночлега. В городе расширяется система «пунктов обогрева» некоммерческих организаций и Центра Социальной Адаптации им. Е. П. Глинки, однако мест, чтобы приютить всех желающих, в них не хватает. Более того, возможности для сна во многих из них ограничены сидячим положением. Одной из стратегий бездомных людей в зимний период является уход в рабочие дома или трудовые общины при храмах:

«Р: Наплыв «клиентов» идёт с начала зимы. Они, когда ещё можно находиться на улице, пьют много. А потом, перед тем, как уйти зимовать, они часто уходят зимовать в какие-то рабочие дома или ещё так далее. Они хотят поправить своё здоровье. (сотрудник благотворительной организации)

И: Где находятся вот бездомные, там, днём, вечером, ночью, где они ночуют?

Р: Это зависит от сезона. Начнём там с начала года. Зима. Их в Москве остаётся очень мало, так как холодно, уже проблематично спать в переходах, на лавочке, в подьезде. Кто-то, какая-то малая часть остаётся, которые в подьезде, может быть, в ЦСА ночуют, ходят, может быть, всё-таки, у каких-то там друзей какое-то время. Но большая часть, мы как понимаем, они разъезжаются на зиму в рабочие дома, при храмах есть трудовые общины, то есть там, где

можно перезимовать. Весна начинается, они бездомные возвращаются в город». (Сотрудник благотворительной организации.)

С темпоральностью бездомного человека также неразрывно связана и его мобильность, поскольку принуждаемое передвижение бездомного человека определяется его физиологическими потребностями. В работе Стивена Вандерстея "Street lives : an oral history of homeless Americans" в рассказах бездомных людей обозначаются места для ночлега, теплые зоны, места для приема пищи, отдыха, безопасные уголки, места для попрошайничества и туалеты [VanderStaay, 1992]. Таким образом, с точки зрения бездомного человека городское устройство теряет свою последовательность, поскольку бездомный ищет места, где можно удовлетворить основные физические потребности, в то время как официальная логика города строится на закреплённости функций места.

Спонтанное использование пространства бездомным телом отчасти обнажает политическое и социальное производство пространственных отношений. Двойкость места заключается в том, что, с одной стороны, место возникает как ответ на тело, с другой стороны, тело функционирует в рамках того, как это позволяет место [Kawash, 1998]. При этом зачастую мобильность бездомных связана не столько с их личными характеристиками, сколько с доступностью и расположением ресурсов [Wolch, Rahimian, Koegel, 1993; Jackson, 2012]. Таким образом, мобильность выступает стратегией выживания, позволяющей бездомным адаптироваться к условиям и искать необходимые ресурсы и получать услуги.

Повседневная мобильность бездомных может также рассматриваться как тактика выживания в городском пространстве [Jackson, 2012]. Постоянное движение по городу служит способом избегания конфликтов с полицией. Также бездомные могут бродить по городу, чтобы найти какие-то новые места и возможные ресурсы. При этом движение бездомных по городу хотя и кажется свободным и хаотичным, на самом деле сильно ограничено и структурировано. В первую очередь, бездомные ограничены финансово, что вынуждает их использовать виды «бесплатного» общественного транспорта без турникетов, как, например, автобус или трамвай в Москве. В случае использования электричек нужно прилагать большое количество физической силы, чтобы забраться на железнодорожную платформу, что недоступно некоторым бездомным в силу их физического состояния. Метро бездомные используют лишь в рамках экстренной необходимости, поскольку наличие турникета и вынужденная тактика прохода за другим человеком некомфортна, так как является очевидным нарушением социального порядка в транспорте, в то время как нарушение порядка при проезде на наземном транспорте невидимо, поскольку большую часть времени порядок контролируется лишь неодушевленным актором-валидатором.

«Я в основном на автобусе. На метро я не люблю за кем-то пробегать, это всё. Это когда вам экстренно необходимо. Если у меня нет денег на проезд, то я на автобусе. Я маршруты знаю все отлично, могу на любом, и метро знаю замечательно, а на автобусе все маршруты, где пересест, куда уехать, у меня проблем вообще не составляет. Мне навигатор в Москве точно не нужен, вообще абсолютно никакой». (Бездомный мужчина, 47 лет, стаж бездомности 6 лет.)

Мобильность бездомных может быть ограничена и институциональными факторами. Например, бездомные могут ездить на общественном транспорте, чтобы потратить время от закрытия до открытия ночлега в течение дня. Например, в отзыве на Яндекс. Картах на ЦСА им. Глинки бездомный описывает практики того, как люди тратят день в районе до открытия ночлега:

«Утром выгоняют всех на улицу и весь день люди не знают чем заняться: кто-то катается на автобусе, кто-то на электричках, а кто-то просто попрошайничает а вечером опять пытаются туда попасть и стоят в очереди мерзнут, и давка, как при пожаре»

О такой же практике было рассказано в ходе интервью с одной из постояльцев приюта:

«Приехала на Иловайку. И там вот с кем мы общались, я говорю, девчонки, я нашла работу, там уезжаю, за вещами приехала. Я говорю: „Чего вы сидите здесь? Езжайте в Москву, ходите по всем организациям, узнавайте, где работу можно найти“. Какое-то время они на меня как на дуру смотрят, говорят, а зачем? Молодые женщины, по 30, по 40 лет. Я говорю, ну как зачем? Чтобы работать. „А зачем нам работать?“ Мы здесь живем, ночуем здесь, нас здесь кормят, вещи дают. А вот в семь утра подъем, к восьми, чтобы никого не было там. Я говорю, вот в течение дня чем занимаетесь? Ну или в кафе где-нибудь посидим, или в автобусе ездим, катаемся». (Бездомная женщина, 68 лет, стаж бездомности полгода.)

Подобное институциональное ограничение мобильности приводит к тому, что автобусные маршруты, курсирующие по району, переполнены бездомными людьми, что вызывает недовольство и раздражение местных жителей.

Ещё один важный сюжет — использование общественного транспорта бездомными как места ночлега. Так, многие бездомные садятся на последнюю электричку, доезжая до конечного пункта назначения, который может находиться в другой области, и с утра на первой электричке возвращаются в Москву.

«Очень многие, наверное, вообще большинство людей пользуются электричками как ночлегом, я думаю, вы это уже всё знаете. Особенно зимой электричка — это место, где можно быть в тепле, хотя ночью на какое-то время машинисты выключают обогрев часто». (Сотрудник благотворительной организации.)

«Ездили в электричке, ночевали, приезжали, садились там, например, в 11 вечера садились, уезжали на, черт-те знает, до конечной, выходили на конечную станцию, стояли там с полчаса, может, потом эта электричка назад приходила, мы садились назад, и под утро ты уже приезжаешь. Например, мы приезжали в 5–6 утра на вокзал уже на Курский, потому что, я же говорю, мы стояли там, ну, недолго, час, полчаса на станции вышли, приехали на конечную, час-полчаса подождали, приехала опять эта электричка, и мы садились, и утром в 5 или 6 часов утра ты на вокзале». (Бездомный мужчина, 39 лет, стаж бездомности полгода.)

В общественном сознании бездомный человек — чаще всего мужчина, что не до конца верно. Подобный стереотип и его воспроизведение негативно сказывается и на работе НКО, оказывающих социальные услуги бездомным людям, поскольку отдельное пространство для женщин порой не продумывается функционально. Показателен пример гендерно-нейтральной карантинной комнаты в одном из приютов, создающий некомфортные и небезопасные условия для женщин, находящихся в организации:

«И: Получается, женщины вместе с мужчинами находятся?»

Р: Это большой-большой минус. Потому что, например, если девочка когда-нибудь попала в такую ситуацию, то как-то нужно, ну, как-то ей завешиваться, переодеваться проблемно, там туалет. Ну, в общем, как бы и ночью же камеры пишут, они пишут, там всё светится, но всё равно немножко, так, ну, немножко некомфортно. Как говорится “с’est la vie”. Вот, у нас есть вот эти 700 квадратов, на которых мы вот может быть, немножко упустили, забыли эту деталь. У нас женщин мало, есть одна женская комната, и если, например, женщины с инвалидностью, вы сейчас увидите, они там живут, проживают вместе с мужчинами, потому что, ну, комнаты общие, мест мало». (Сотрудница НКО.)

Женщина на улице находится в крайне уязвимом положении, поскольку всегда есть крайне высокий риск оказаться жертвой сексуального насилия. За время работы, мне удалось поговорить лишь с одной женщиной, находящейся в ситуации уличной бездомности, на кормёжке. На вопрос «где вы ночуете?», информантка ответила: «Бывало на вокзале оставалась, но с осторожностью», а на вопрос «Как Вы узнали о сервисе?» был дан следующий ответ:

«Мне ещё до того как эту бумажку дали, подвернулись ребята, которые предложили эту помощь. На Курском вокзале они были, где кормят. Ну так разговорились, нормальные ребята, вообще, крутятся тут как могут. Ну они меня не обижают, с уважением относятся». (Бездомная женщина, стаж бездомности несколько недель.)

Особое упоминание осторожности, а также отдельный акцент на том, что мужчины-бездомные её «не обижают», наталкивают на мысль о том, что даже в, казалось бы, безопасных публичных местах, где есть охрана, бездомные женщины не чувствуют себя защищённо. Особенно бездомные женщины стараются выглядеть «как все», избегая типичных признаков бездомности, например, за счет чистой одежды и тела:

«На днях вот мылась в „Ангаре“ [социальная служба „Ангар спасения“] в Москве, я постирала эти штаны, прямо мокрые даже одела, думаю лучшие мокрые, но чистые одену. И бельё тоже постирала и сразу отжала хорошо и надела, зато чистые». (А. бездомная, стаж бездомности несколько недель.)

Когда женщина оказывается в ситуации уличной бездомности, перед ней встает выбор, касающийся стратегии выживания — либо выживать в одиночку, либо найти мужчину / группу других бездомных, которые могут предоставить некую защиту [Casey, Goudie, Reeve, 2008; Кузинер, 2020]. Ради собственной безопасности и независимости бездомные женщины могут отказаться от компании, но тогда место для ночевки в одиночестве должно быть крайне укромным и недоступным для других:

«Женщины стараются ещё больше изолироваться. У нас была история про женщину, которая жила буквально, ну и, кстати, не она одна так делает, многие так делают. Она жила буквально в туалете в вокзале. Потому что в электричке небезопасно, на улице небезопасно, больше нигде, где жить. Туалет на вокзале — одно из самых безопасных мест. Там неудобно. Но зато вот такое место». (Ю., сотрудник благотворительной организации.)

Выводы

Резюмируя, вслед за Дунканом городское пространство можно разделить на «маргинальные» и «основные» места. «Маргинальные» пространства являются таковыми в силу того, что не представля-

ют особой ценности для горожан. За счет своей «ничейности», присутствие бездомного человека в таком пространстве не вызывает недовольства со стороны местных жителей. К «маргинальным» пространствам в Москве чаще всего можно отнести места ночлега бездомных людей (отдаленные парки, подвалы, чердаки), а также некоторые места проведения досуга, непатрулируемые полицией. Однако, пространственный мир бездомного не ограничивается лишь «маргинальными» местами в городе. Для того чтобы выжить, бездомный выходит в «основное» пространство города. Некоторые «основные» пространства, например, такие как вокзалы, аэропорты, торговые центры, толерантны к бездомным, поскольку являются «не-местами», с которыми жителями не ассоциируют свою личность и ощущают себя лишь временными посетителями. В связи с этим в «не-местах» горожане не чувствуют распространения стигмы от бездомного человека.

К другим «основным» местам, имеющим большое значение для бездомных, относятся места с отличным от общегородского либерально-демократического рыночного порядка. Такими местами являются церковные территории, где доминирует христианский порядок «естественного права» равенства людей перед Богом, публичные библиотеки, где доминирует моральный порядок равенства посетителей в доступе к знаниям, и питейные заведения, где равенство обеспечивается за счет атмосферы карнавализации.

Также важным для рассмотрения является аспект мобильности бездомных в городском пространстве. Мобильность во многом зависит от темпоральности жизни бездомного человека, которая заметно отличается от темпоральности «домашних» людей. В первую очередь, из-за короткого горизонта планирования темпоральность жизни бездомного носит циклический характер в пределах дня. Также в силу отсутствия крова над головой, на жизнь уличных бездомных людей в городе влияет цикл сезонов года. Так, в холодное время года бездомные люди могут уходить в рабочие дома, трудовые общины при храмах или же возвращаться в свои родные населённые пункты. Мобильность бездомных в городе зависит как от их личных потребностей, так и от расположения сервисов в городе, где они могут получить нужные им ресурсы. Однако, мобильность может также служить и тактикой выживания, как, например, в случае ночлега в общественном городском транспорте или же в междугородней электричке.

Гендерная специфика в пространственном аспекте бездомности зачастую не проявляется, поскольку одной из стратегий выживания женщин на улице служит поиск защиты от мужчины или группы мужчин, что стирает какие-либо различия в пространственном распределении. Но, если женщина решает находиться на улице в одиночку, то главными атрибутами мест нахождения должны быть укрываемость и недоступность.

Дискуссия

Для комплексного понимания проблемы не стоит ограничиваться лишь качественными методами исследования. Так, например, интересно изучение проблемы бездомности с помощью ГИС-инструментов, поскольку ГИС позволяет улучшить понимание географического распределения бездомных и факторов, влияющих на их передвижение и доступ к услугам [Semborski et al., 2022]. На данный момент ГИС остается инновационным методом в социальных науках, однако который требует критического применения для получения значимых результатов.

В качестве эксперимента с портала «Наш город Москва» были собраны более 11 тысяч жалоб за период с декабря 2016 года по декабрь 2023 года в категории «незаконное проживание мигрантов в местах общего пользования многоквартирного дома». Далее были отсортированы лишь те, в которых упоминались такие категории как «бомж», «бездомный», «бродяга», «лицо без определенного места жительства».

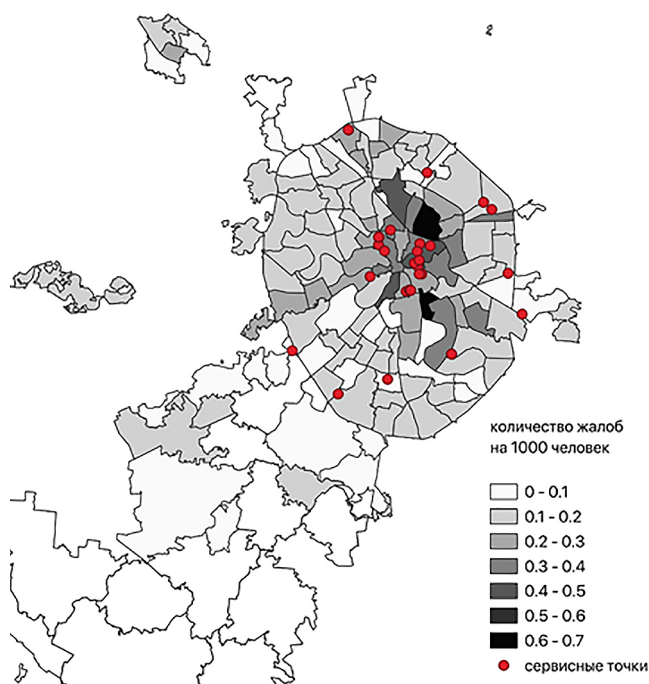

Рис. 1. Распределение жалоб на бездомных людей по административным районам Москвы с портала «Наш город Москва»

В финальном наборе осталось 1970 жалоб. Далее, жалобы были визуализированы по административным районам Москвы.

Несмотря на наибольшую видимость бездомных в центре города, наиболее популярными районами для ночлега в местах общего пользования многоквартирного дома являются районы за пределами Садового кольца (Южнопортовый, Сокольники). Также место ночлега бездомных не зависит однозначно от расположения точек оказания сервиса. Однако для осмысленной интерпретации полученных результатов требуется дальнейшая углубленная работа.

Не менее интересно также расширение географии исследования, поскольку сравнение условных «карт мест бездомности» разных городов друг с другом могло бы пролить свет на институциональные различия городов, а также выявить другие аспекты пространственного распределения бездомности, незаметные в рамках одного мегаполиса.

Литература

1. Антонова, Н. С. К характеристике причин бездомности в современной России // Вестник Бурятского государственного университета. 2009. № 5. С. 220–224.
2. Бахтин, М. М. Творчество Франсуа Рабле и народная культура средневековья и Ренессанса. М.: Художественная литература, 1990.
3. Белова, Н. Бомжи сообщили, что их отправляют в спецлагеря перед чемпионатом мира // Московский комсомолец. 06.06.2018 [Online] <<https://www.mk.ru/sport/2018/06/06/bomzhi-soobshhili-cto-ikh-otpravlyayut-v-speclagerya-pered-chempionatom-mira.html>> [Дата обращения] 02.06.2024.
4. Бурдые, П. Различение: социальная критика суждения // Экономическая социология. 2005. №3. С. 33.
5. В Москве прошёл первый чемпионат по футболу среди бездомных людей // Агентство социальной информации. 14.06.2018. [Online] <<https://asi.org.ru/news/2018/06/14/chempionat-po-futbolu-bezdomnye/>> [Дата обращения] 02.06.2024.
6. Дуглас, М. Чистота и опасность: Анализ представлений об осквернении и табу. М.: Канон-пресс-Ц; Кучково поле, 2000.
7. Жеребкина, В. Ф., Лапшина, Л. М. Самоотношение и копингстратегии бездомных людей // Вестник Южно-Уральского государственного гуманитарно-педагогического университета. 2016. № 4. С. 127–132.
8. Зиннуров, А. А. Актуальность проблемы бездомности для российского общества и пути её решения // Стратегии развития общества и социальная работа. Ростов-на-Дону: 2023. С. 283–289.
9. Иманкулова, Е. В. Трансформация концепта чистоты в культуре России XX века // Человек в мире культуры, 2012. № 1. С. 12–19.
10. Кирсанова, К. С. Сущность проблемы бездомности в России, пути и методы её решения // Наука XXI века: актуальные направления развития. 2020. № 1. С. 132–135.

11. Ключева, Н. Ю. Психология бездомного и бездомности // Сибирский психологический журнал. 2011. № 41. С. 15–19.
12. Коваленко, Е., Строчкова, Е. Бездомность: есть ли выход // М.: Фонд «Институт экономики города», 2010. Т. 128.
13. Кузинер, Е. Н. «Пойду домой, домой это значит в подвал»: повседневные практики и стратегии выживания бездомных женщин // Мониторинг общественного мнения: экономические и социальные перемены. 2020. Т.158. № 4. С. 273–298.
14. Метелева, Е. и др. Решение проблемы бездомности: модель социальной адаптации и ресоциализации лиц без определенного места жительства в регионе // Вопросы государственного и муниципального управления. 2022. № 1. С. 170–192.
15. Молчанов, А. А. Бездомность в России: комплексный анализ и технология профилактики // Отечественный журнал социальной работы. 2007. № 4. С. 43–52.
16. Низиньковская, В. В. Пути и методы решения проблемы бездомности в России // Актуальные проблемы современной науки: теория и практика. М.: 2020. С. 422–424.
17. Оже, М. Неместа. Введение в антропологию гипермодерна. М.: Новое Литературное Обозрение, 2017.
18. Ордянц, А. Ю., Демидова, Т. Е. Проблема бездомности в России: причины и следствия // Новая наука: история становления, современное состояние, перспективы развития: сборник статей. Волгоград: 2017. С. 202.
19. Петренко, С. С. Психологический портрет лиц без определённого места жительства. Нефтекамск: Научно-издательский центр «Мир науки», 2017.
20. Платонова, Н. М. Бездомность в современной России: причины и следствия // Учёные записки Санкт-Петербургского государственного института психологии и социальной работы. 2009. Т. 11. № 1. С. 56–60.
21. Полонский, И. ЧМ-2018:Бомжей и проституток опять отправят за 101-й километр // Свободная пресса. 19.05.2018 [Online] <<https://svpressa.ru/sport/article/200558/>> [Дата обращения] 02.06.2024.
22. Сколько бездомных людей в России: исследование Validata // «Ночлежка». 09.12.2022. [Online] <https://homeless.ru/news/skolko_bezdomnykh_lyudey_v_rossii_issledovanie_validata/> [Дата обращения] 14.06.2024.
23. Уфимцева, Е. И. Социальные модели преодоления бездомности: российская практика // Известия Саратовского университета. Новая серия. Серия Социология. Политология. 2017. Т. 17. № 3. С. 291–297.
24. Фуко М. Рождение биополитики. СПб.: Наука, 2010.
25. Харисова, А. В. Дом как путь «к себе» в философии М. Хайдеггера и Э. Левинаса // Вестник Санкт-Петербургского университета. Международные отношения. 2007. №3. С. 224.
26. Цацура, Е. А., Ключева, Н. Ю. Социально-демографические характеристики, условия жизни и потребности людей в ситуации бездомности в Москве // Мониторинг общественного мнения: экономические и социальные перемены. 2022. Т.168. № 2. С. 409–429.
27. Чеснокова, Л. В. Концепт Heim (дом, домашний очаг): убежище от экзистенциального страха в немецкой культуре // Философия и культура. 2014. № 5. С. 723.
28. Чеснокова, Л. В. Феномен жуткого: опыт философской рефлексии Фрейда и Хайдеггера // Тамбов: Манускрипт. 2016. Т. 66. №4 С. 214.
29. Amore, K., Baker, M., Howden-Chapman, P. The ETHOS definition and classification of homelessness: an analysis // European Journal of Homelessness. 2011. Vol. 5. No. 2.

30. *Bourdieu, P.* The weight of the world. Vol. 217. Cambridge: Polity Press, 1999.
31. *Casey, R., Goudie, R., Reeve, K.* Homeless women in public spaces: Strategies of resistance // *Housing Studies*. 2008. Vol. 23. No. 6. P. 899–916.
32. *Duncan, J. S.* Men Without Property: The Tramp's Classification and Use of Urban Space // *The Urban Sociology Reader*. New York: Routledge, 2012. P. 225–233.
33. *Goffman, E.* Stigma: Notes on the management of spoiled identity. New York: Simon and Schuster, 2009.
34. *Hombs, M.E., Snyder, M.* Homelessness in America: A forced march to nowhere // *Community for creative non-violence*. 1983. No. 39.
35. *Jackson, E.* Fixed in mobility: Young homeless people and the city // *International Journal of Urban and Regional Research*. 2012. Vol. 36. No. 4. P. 725–741.
36. *Jacobs, K., Kemeny, J., Manzi, T.* The struggle to define homelessness: A constructivist approach // *Homelessness: Public policies and private troubles*. 1999. P. 11–28.
37. *Kawash, S.* The homeless body // *Public culture*. 1998. Vol. 10. No. 2. P. 320.
38. *Koprowska, K. et al.* Condemned to green? Accessibility and attractiveness of urban green spaces to people experiencing homelessness // *Geoforum*. 2020. Vol. 113. P. 1–13.
39. *Lancione, M. et al.* How is homelessness // *European Journal of Homelessness*. 2013. Vol. 8. No. 2.
40. *Lofland, L. H.* A World of Strangers; Order and Action in Urban Public Space. San Francisco: University of California Press, 1971.
41. *Lee, B.A., Price-Spratlen, T., Kanan, J. W.* Determinants of homelessness in metropolitan areas // *Journal of Urban Affairs*. 2003. Vol. 25. No. 3. P. 335–356.
42. *Liamputtong, P.* Researching the vulnerable: A guide to sensitive research methods. London: SAGE Publications, 2006.
43. *Macpherson, C. B.* Democratic theory: Essays in retrieval // *Philosophical Review*. 1973. Vol. 84. No. 2.
44. *Mead, G. H.* Mind, Self and Society. / Ed. by CW Morris. Chicago: The University of Chicago Press, 1975.
45. *Park, R. E.* The urban community as a spatial pattern and moral order // *Urban social segregation*. 1926. P. 21–31.
46. *Rubinstein, J.* City Police. New York: Farrar, Staus, and. Giroux, 1973.
47. *Russell, B. G.* Silent sisters: An ethnography of homeless women. New York: Routledge, 2013.
48. *Semborski, S. et al.* The application of GIS in homelessness research and service delivery: A qualitative systematic review // *Health & place*. 2022. Vol. 75.
49. *Snow, D.A., Anderson, L.* Down on their luck: A study of homeless street people. California: University of California Press, 1993.
50. *Stephenson, S.* Crossing the line: Vagrancy, homelessness and social displacement in Russia. New York: Routledge, 2017.
51. *Sutherland, E.H., Locke, H.J.* Twenty thousand homeless men: A study of unemployed men in the Chicago shelters. New York: Arno Press, 1936.
52. *VanderStaay, S.* Street lives: An oral history of homeless Americans. British Columbia: New Society Publishers, 1992.
53. *Wardhaugh, J.* Homeless in Chinatown: deviance and social control in cardboard city // *Sociology*. 1996. Vol. 30. No. 4.
54. *Wolch, J.R., Rahimian, A., Koegel, P.* Daily and periodic mobility patterns of the urban homeless // *The Professional Geographer*. 1993. Vol. 45. No. 2. P. 159–169.

Alina Viven Shults

In the Shadow of the Metropolis: Ways of Using Urban Space by Homeless People (Using the Example of Moscow)

Alina Viven Shults — Urban Planning Student, Faculty of Urban and Regional Development, National Research University Higher School of Economics. **Address:** Moscow, 20, Myasnitskaya St. **E-mail:** aedrozdova_1@edu.hse.ru. **ORCID:** <https://orcid.org/0009-0008-7900-9839>.

Abstract: Homelessness is a serious problem for many large Russian cities. However, the Russian homelessness research landscape mainly focuses on socio-psychological aspects, while the relationship between homelessness and the urban environment remains poorly understood. The purpose of this study is to comprehend the spatial aspect of homelessness in Moscow, to identify and analyse ways of using urban space by homeless people. The main objectives include collecting and analysing interviews with homeless people and employees of organisations, identifying categories of places preferred by homeless people, and studying the influence of weather conditions, time of day and season on the choice of places to stay. The research was conducted using qualitative methods, including expert interviews with staff of non-profit organisations and semi-structured interviews with homeless people. For the purposes of the study, 'homelessness' refers to the street form of homelessness categorised by ETHOS as 'people living on the street'. One of the key findings of the study is the identification of the so-called 'main' and 'marginal' spaces of the city, as well as places with different 'moral orders' that attract homeless people. The article also considers the temporal and spatial distribution of homeless people in the urban environment. Special attention is paid to gender aspects of homelessness, vulnerable position of women-homeless people and their survival strategies.

Keywords: homelessness, urban environment, moral order, "non-places», "prime" and "marginal" spaces

References

1. *Amore, K., Baker, M., Howden-Chapman, P.* (2011). The ETHOS definition and classification of homelessness: an analysis // *European Journal of Homelessness*. Vol. 5. No. 2.
2. *Antonova, N.S.* (2009). On the characterization of the causes of homelessness in modern Russia // *Bulletin of the Buryat State University*. No. 5. P. 220–224. (In Russ.)
3. *Auger, M.* (2017). Non-places. Introduction to the anthropology of Hypermodernism. Moscow: New Literary Review. (In Russ.)
4. *Bakhtin, M.M.* (1990). The work of Francois Rabelais and the folk culture of the Middle Ages and Renaissance. Moscow: Hudojestvennaya Literatura. (In Russ.)
5. *Belova, N.* (2018). The homeless reported that they were being sent to special camps before the World Cup // *Moskovsky Komsomolets*. 06.06. [Online] <<https://www.mk.ru/sport/2018/06/06/bomzhi-soobshhili-cto-ikh-otpravlyayut-v-speclageriya-pered-chempionatom-mira.html>> [Date of access] 02.06.2024. (In Russ.)

6. Bourdieu, P. (2005). Distinction: a social critique of judgment // *Economic Sociology*. No.3. P. 33. (In Russ.)
7. Bourdieu, P. (1999). *The weight of the world*. Vol. 217. Cambridge: Polity Press.
8. Casey, R., Goudie, R., Reeve, K. (2008). Homeless women in public spaces: Strategies of resistance // *Housing Studies*. Vol. 23. No. 6. P. 899–916.
9. Chesnokova, L. V. (2014). The concept of Heim (home, hearth): a refuge from existential fear in German culture // *Philosophy and Culture*. No. 5. P. 723. (In Russ.)
10. Chesnokova, L. V. (2016). The phenomenon of the creepy: the experience of philosophical reflection of Freud and Heidegger // *Manuscript*. Vol 66. No.4–1. p. 214. (In Russ.)
11. Douglas, M. (2000). *Purity and danger: An analysis of ideas about desecration and taboo*. Moscow: Canon-press-C; Kuchkovo Pole. (In Russ.)
12. Duncan, J. S. (2012). Men Without Property: The Tramp's Classification and Use of Urban Space // *The Urban Sociology Reader*. New York: Routledge. P. 225–233.
13. Goffman, E. (2009). *Stigma: Notes on the management of spoiled identity*. New York: Simon and Schuster.
14. Hombs, M. E., Snyder, M. (1983). Homelessness in America: A forced march to nowhere // *Community for creative non-violence*. No. 39.
15. How many homeless people are in Russia: a Validata study (2022) // «Nochlezhka». 09.12. [Online] <https://homeless.ru/news/skolko_bezdomnykh_lyudey_v_rossii_issledovanie_validata/> [Date of access] 14.06.2024. (In Russ.)
16. Imankulova, E. V. (2012). Transformation of the concept of purity in the culture of Russia of the XX century. // *Man in the world of culture*. No. 1. P. 12–19. (In Russ.)
17. Jackson, E. (2012). Fixed in mobility: Young homeless people and the city // *International Journal of Urban and Regional Research*. Vol. 36. No. 4. P. 725–741.
18. Jacobs, K., Kemeny, J., Manzi, T. (1999). The struggle to define homelessness: A constructivist approach. // *Homelessness: Public policies and private troubles*. P. 11–28.
19. Kawash, S. (1998). The homeless body // *Public culture*. Vol. 10. No. 2. P. 320.
20. Kharisova, A. V. (2007). House as a way «to oneself» in the philosophy of M. Heidegger and E. Levinas. // *Bulletin of St. Petersburg University. International Relations*. No.3. P. 224 (In Russ.)
21. Kirsanova, K. S. (2020). The essence of the problem of homelessness in Russia, ways and methods of its solution // *Science of the XXI century: current directions of development*. No. 1. P. 132–135. (In Russ.)
22. Klyueva, N. Y. (2011). Psychology of the homeless and homelessness // *Siberian Psychological Journal*. No. 41. P. 15–19. (In Russ.)
23. Koprowska, K. et al. (2020). Condemned to green? Accessibility and attractiveness of urban green spaces to people experiencing homelessness // *Geoforum*. Vol. 113. P. 1–13.
24. Kovalenko, E., Strokovaya, E. (2010). Homelessness: is there a way out // *Foundation "Institute of City Economics"*. Vol. 128. (In Russ.)
25. Kuziner, E. N. (2020). «I'm going home, home means to the basement»: everyday practices and strategies for the survival of homeless women // *Monitoring public opinion: economic and social changes*. №. 4 Vol. 158. P. 273–298. (In Russ.)
26. Lancione, M. et al. (2013). How is homelessness // *European Journal of Homelessness*. Vol. 8. No. 2.
27. Lofland, L. H. A (1971). *World of Strangers; Order and Action in Urban Public Space*. San Francisco: University of California Press,.
28. Lee, B. A., Price-Spratlen, T., Kanan, J. W. (2003). Determinants of homelessness in metropolitan areas. // *Journal of Urban Affairs*. Vol. 25. No. 3. P. 335–356.

29. *Liamputtong, P.* (2006). *Researching the vulnerable: A guide to sensitive research methods.* London: SAGE Publications.
30. *Macpherson, C. B.* (1973). *Democratic theory: Essays in retrieval // Philosophical Review.* Vol. 84. No. 2.
31. *Mead, G. H.* (1975). *Mind, Self and Society.* / Ed. by CW Morris. Chicago: The University of Chicago Press.
32. *Metel'eva, E. et al.* (2022). Solving the problem of homelessness: a model of social adaptation and re-socialization of persons without a fixed place of residence in the region // *Issues of state and municipal management.* No. 1. P. 170–192. (In Russ.)
33. *Molchanov, A. A.* (2007). Homelessness in Russia: a comprehensive analysis and prevention technology // *Domestic Journal of Social Work.* No. 4. P. 43–52. (In Russ.)
34. *Nizinkovskaya, V. V.* (2020). Ways and methods of solving the problem of homelessness in Russia // *Actual problems of modern science: theory and practice.* P. 422–424. (In Russ.)
35. *Ordinyants, A. Yu., Demidova, T. E.* (2017). The problem of homelessness in Russia: causes and consequences // *New Science: history of formation, current state, development prospects: collection of articles.* P. 202. (In Russ.)
36. *Park, R. E.* (1926). The urban community as a spatial pattern and moral order // *Urban social segregation.* P. 21–31.
37. *Petrenko, S. S.* (2017). Psychological portrait of persons without a fixed place of residence. Scientific Publishing Center «World of Science». (In Russ.)
38. *Platonova, N. M.* (2009). Homelessness in modern Russia: causes and consequences // *Scientific Notes of the St. Petersburg State Institute of Psychology and Social Work.* Vol. 11. No. 1. P. 56–60. (In Russ.)
39. *Polonsky, I.* (2018). World Cup 2018: Homeless people and prostitutes will be sent back for the 101st kilometer // *Free Press.* 19.05. [Online] <<https://svpressa.ru/sport/article/200558/>> [Date of access] 02.06.2024. (In Russ.)
40. *Rubinstein, J.* (1973). *City Police.* New York: Farrar, Staus, and. Giroux.
41. *Russell, B. G.* (2013). *Silent sisters: An ethnography of homeless women.* New York: Routledge.
42. *Semborski, S. et al.* (2022). The application of GIS in homelessness research and service delivery: A qualitative systematic review // *Health & place.* Vol. 75.
43. *Snow, D. A., Anderson, L.* (1993). *Down on their luck: A study of homeless street people.* California: University of California Press.
44. *Stephenson, S.* (2017). *Crossing the line: Vagrancy, homelessness and social displacement in Russia.* New York: Routledge.
45. *Sutherland, E. H., Locke, H. J.* (1936). *Twenty thousand homeless men: A study of unemployed men in the Chicago shelters.* New York: Arno Press.
46. The first football championship among homeless people was held in Moscow (2018) // *Social Information Agency.* 14.06. [Online] <<https://asi.org.ru/news/2018/06/14/championat-po-futbolu-bezdomnye/>> [Date of access] 02.06.2024. (In Russ.)
47. *Tsatsura, E. A., Klyueva, N. Y.* (2022). Socio-demographic characteristics, living conditions and needs of people in the situation of homelessness in Moscow // *Monitoring public opinion: economic and social changes.* Vol.168. №. 2. P. 409–429. (In Russ.)
48. *Ufimtseva, E. I.* (2017). Social models of overcoming homelessness: Russian practice // *Proceedings of the Saratov University. A new series. The Sociology series. Political Science.* Vol. 17. No. 3. P. 291–297. (In Russ.)
49. *Foucault M.* (2010). *The Birth of Biopolitics.* St. Petersburg: Nauka. (In Russ.)
50. *VanderStaay, S.* (1992). *Street lives: An oral history of homeless Americans.* British Columbia: New Society Publishers,.

51. *Wardhaugh, J.* (1996). Homeless in Chinatown: deviance and social control in cardboard city // *Sociology*. Vol. 30. No. 4. P. 704
52. *Wolch, J.R., Rahimian, A., Koege, I. P.* (1993). Daily and periodic mobility patterns of the urban homeless. // *The Professional Geographer*. Vol. 45. No. 2. P. 159–169.
53. *Zherebkina, V.F., Lapshina, L.M.* (2016). Self-attitude and coping strategies of homeless people // *Bulletin of the South Ural State Humanitarian Pedagogical University*. No. 4. P. 127–132. (In Russ.)
54. *Zinnurov, A.A.* (2023). The relevance of the problem of homelessness for Russian society and ways to solve it // *Strategies for the development of society and social work*. P. 283–289. (In Russ.)